

Парадоксы путинизма

С самого начала своего президентства второй президент России заявлял, что политическая и социальная стабильность — его главный приоритет (не будет преувеличением сказать, что этот приоритет стал для Владимира Путина священным)¹. Курс, который он избрал, отражал типичную для кадрового силовика инстинктивную тягу к контролю ради контроля. Однако Путин рассматривает стабильность в более философском ключе. Как он заявлял в статье “Россия на рубеже тысячелетий”², опубликованной под его именем накануне его назначения исполняющим обязанности президента 31 декабря 1999 года, нестабильность не только крайне нежелательна, но и является камнем преткновения на пути к нормальной жизни и развитию, особенно в России с ее бурной историей. Хотя у коммунизма были свои достижения, в целом, по мнению Путина, этот путь стал причиной отставания Советского Союза и увел страну в сторону от мировых тенденций. Выход виделся Путину в отказе от “потрясений, катаклизмов, радикальных преобразований”, которые сопровождали приход коммунистов к власти и определяли историю России в двадцатом веке. Для двадцать первого века было необходимо предложить перспективную “стратегию возрождения и расцвета России, которая бы опиралась на все положительное, что было создано [в мире] в ходе рыночных и демократических реформ, и осуществлялась исключительно эволюционными, постепенными, взвешенными методами”.

Восстановление государства

Ключевой механизм для воплощения всех этих прекрасных идей, собственно, и составляет самую суть путинской идеологии, а именно: восстановление и укрепление российского государства, которое оказалось серьезно ослаблено в результате потрясений, сопровождавших переход от советской системы. Наиболее часто цитируемые фрагменты манифеста 1999 года не оставляют в этом ни малейших сомнений: “Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа”. “Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен”. “Общество желает восстановления направляющей и регулирующей роли государства в той степени, в какой это необходимо, исходя из традиций и нынешнего положения страны”. “Мы сможем рассчитывать на достойное будущее, — добавляет Путин, — только если сумеем универсальные принципы рыночной экономики и демократии органически соединить с реальностями России”.

Время показало, что дьявол был скрыт в деталях и в том, что подразумевалось под “степенью, в какой это необходимо” и “реальностями России”. Поначалу Путин

как спаситель отечества приложил максимум своих президентских усилий к укреплению государственной инфраструктуры. Он назначил на руководящие должности высшего и среднего звена коллег-силовики, чтобы они своим бдительным оком присматривали за штатскими. Если в 1996 году первая чеченская война закончилась тем, что российские вооруженные силы просто прекратили военные действия, то теперь начался реванш против сепаратистов и новая война, с применением самих жестоких методов, завершилась победой. Правительство ужесточило налоговую дисциплину, добилось сбалансированного бюджета, а затем и бюджетного профицита; денежные суррогаты уступили место крепкому рублю. Увеличился штат государственных служащих, выросли зарплаты и престиж работы в госсекторе. Были предприняты слабые попытки модернизировать вооруженные силы (более серьезная волна реформ началась в 2008 году после не слишком успешного выступления армии во время пятидневного конфликта с соседней Грузией). Были уточнены линии государственных границ страны, пограничный контроль стал более строгим, а внешняя политика России — гораздо более напористой и рискованной.

Вскоре стало ясно, что внимание Путина сосредоточено как на отдельных частях государственного аппарата, так и на государстве в целом. Его предшественник Борис Ельцин вел переговоры с представителями более чем восьмидесяти субъектов Российской Федерации, предоставляя им значительную степень свободы в обмен на лояльность и поддержку на выборах федерального уровня; Ельцин не возражал, чтобы главы регионов получали свой мандат в результате народного голосования. Путин укрепил центральное правительство и “вертикаль власти”, привязав к ней губернаторов³; он ослабил (хотя и не отменил полностью) их автономию и инициировал принятие закона, в соответствии с которым губернаторы фактически становились назначенцами президента. А в Москве Путин укрепил исполнительную ветвь власти, в первую очередь полномочия президента и его администрации, в ущерб законодательной. Для этой цели он усилил собственный кон-

троль над Государственной Думой — нижней и более важной из двух палат парламента — с помощью “партии власти” “Единая Россия”, основанной под его патронажем в 2001 году. На думских выборах 2003 года “Единая Россия” получила 38 процентов голосов избирателей и 50 процентов мест в Думе; в 2007 году она получила уже 64% голосов и 70% мест.

Укрепление государственной машины нельзя рассматривать отдельно от усилий, направленных на то, чтобы максимально расширить влияние государства на российское общество в целом. Обладая большинством голосов в парламенте, партия власти могла проводить законы, затрудняющие регистрацию новых политических партий и выживание уже существующих. Число партий и квазипартий сократилось с более чем двухсот в конце 1990-х годов до семи. Схожим образом правительство Путина в 2000–2001 годах установило контроль над общенациональным телевидением и превратило новостное вещание на крупных каналах в прокремлевскую пропаганду. Арест Михаила Ходорковского в 2003 году по обвинению в уклонении от уплаты налогов и хищении и последовавший затем судебный процесс, в результате которого Ходорковский пробыл за решеткой до 2013 года⁴, помог взять в ежовые рукавицы представителей нарождавшейся бизнес-элиты, которые считали себя свободными от обязательств перед властью. После Оранжевой революции 2004 года на Украине, которую в Москве считали результатом деятельности организаций, получавших средства из-за рубежа, Кремль усилил административный контроль над российскими неправительственными организациями; вдобавок усугубилось давление на наиболее политизированные НКО и власти приступили к созданию проправительственных массовых молодежных движений.

Путин был впервые избран президентом в марте 2000 года 53% голосов избирателей и затем переизбран в марте 2004 года, получив сокрушительные 72% голосов. Хотя при подсчете голосов были отмечены случаи фальсификаций (насколько известно, они не имели решающего значения), факт массовой поддержки Путина невозможно

отрицать. Широкое одобрение деятельности Путина раз за разом подтверждают опросы общественного мнения, проводимые как проправительственными, так и независимыми организациями. С 2004 года рейтинг поддержки Путина продолжает держаться на впечатляющем уровне.

У такой популярности множество причин, начиная с личного стиля и имиджа Путина, которые поддерживаются неустанной работой СМИ. Среди других причин можно назвать и привлекательность Путина для определенных социальных групп (среди таких групп, в частности, женщины и нерусские национальные меньшинства), и глубинное осуждение политической свистопляски 1980-90-х годов. Жесткая и решительная внешняя политика привела к определенной мере геополитического признания России и всеобщего осознания того факта, что положение страны в евразийской и мировой политике сегодня прочнее, чем когда бы то ни было с момента краха СССР. Согласно одному опросу 1999 года лишь 31% россиян согласились с тем, что Россия — великая держава, но к 2007 году их доля достигла 53%, а в ноябре 2015 — 65%.

Если говорить в категориях, поддающихся измерению, ничто так не способствовало укреплению положения Путина, как быстрое восстановление экономики страны. Одним из факторов экономического подъема стал отложенный эффект хаотичных реформ Ельцина; еще одной причиной был краткий период неоллиберализма в начале 2000-х годов (в том числе упрощение процедур регулирования малого бизнеса во имя борьбы с коррупцией, введение плоской 13-процентной шкалы подоходного налога и узаконивание частной собственности на землю); и, наконец, рациональная макроэкономическая и налоговая политика Путина и его министра финансов Алексея Кудрина. В большой степени оздоровлению экономики России способствовал неожиданный резкий подъем рынка наиболее драгоценного природного ресурса — нефти, цена на которую взлетела с уровня ниже \$10 за баррель в 1998 году (год, в который Россия не смогла выполнить свои обязательства по суверенному долгу) до \$50

в 2005 году и до \$100 в 2008-м. Фактически экономический бум начался в 1999 году, еще при Ельцине, и продолжался до 2008 года; к тому моменту потребительские доходы выросли более чем в два раза, а основной индекс фондового рынка России — в пять раз. Нефтедоллары спровоцировали быстрый рост государственных расходов на образование и здравоохранение, что смягчило демографический кризис (по мере снижения смертности и роста рождаемости в 2013 году в России впервые за многие десятилетия был зафиксирован естественный прирост населения, то есть положительная разница между уровнями рождаемости и смертности). Большинство россиян — неважно, справедливо или нет, — связывало эти положительные изменения с фигурой лидера.

Гибридная политическая система

Первый парадокс этого кажущегося прогресса состоит в том, что, несмотря на высокий уровень поддержки сильного лидера во главе государства, режим, который он воплощал, постепенно становился все менее терпимым к независимости элит, оппозиционной активности и спонтанным проявлениям массового недовольства. Эту тенденцию фиксирует, хотя и не без погрешностей, известный барометр демократии, публикуемый в докладах американской НКО Freedom House. В 1992 году в ежегодном докладе Freedom House политический режим в обновленной, независимой России получил рейтинг 3,5 по шкале от 1 до 7, где 1 — показатель максимальной демократичности (шкала составляется на усредненных показателях рейтингов политических прав и гражданских свобод), а 7 — минимальный показатель. В 1999 году рейтинг России по этой шкале составил 4,5, то есть несколько ухудшился по сравнению со средним положением на шкале демократичности. В целом Россия оценивалась как “частично свободная”. В докладе “Свобода в мире” за 2001 год, в котором были подведены итоги 2000 года, первого года пребывания Путина на посту президента, рейтинг политических свобод снизился с 4 до 5, а общий рейтинг России с 4,5

опустился до 5. В докладе за 2004 год с точки зрения политических свобод Россия спустилась еще ниже — с 5 до 6, “вследствие фактического уничтожения влиятельных оппозиционных политических партий и дальнейшей централизации исполнительной власти”. Впервые с советских времен Россия с индексом 5,5 оказалась причислена к группе “несвободных”, или недемократических, стран.

Таким образом, мы можем сказать, что к началу второго президентского срока Путина, который продолжался до мая 2008 года, путинская политическая система сложилась, окрепла и прошла проверку боем. Вслед за многими, если не всеми, исследователями, специализирующимися на российской и евразийской политике, я бы сказал, что эта система представляет собой гибрид, в котором сочетаются автократические и демократические черты, причем с течением времени автократические черты неуклонно вытесняют демократические — настолько, что стоит задуматься, не перешла ли система черту полноценного авторитаризма. У этой системы были и остаются следующие оперативные цели: сильная государственная власть; ограничение политической конкуренции; экономическое и социальное развитие, целью которого в большой мере является повышение конкурентоспособности на международной арене; создание коалиции элит на основе кооптации, клиентелизма и принципа “разделяй и властвуй”; общенародная легитимность, опирающаяся на контролируемые выборы, националистическую риторику и расходы на социальное обеспечение⁵.

Показателем устойчивости статуса Путина стала легкость, с которой он, не нарушая конституционного положения, запрещающего одному человеку занимать пост президента более двух сроков подряд (Путин мог проигнорировать это ограничение, но не стал этого делать), в 2007–2008 году передал президентский пост Дмитрию Медведеву, своему протеже и земляку-петербуржцу. На волне популярности Путина и при его поддержке Медведев в 2008 году выиграл, набрав 71% голосов — совсем чуть-чуть меньше, чем его наставник получил в 2004 году. Результатом такой передачи власти стал так называемый

тандем, в котором с 2008 по 2012 год Путин, будучи премьер-министром, занимал де-юре второстепенную позицию, но де-факто оставался полноправным лидером. Уровень секретности вокруг этой рокировки был так высок, что мы до сих пор не знаем, какого рода соглашения заключали и — заключали ли — между собой два человека, стоявшие у ее истоков. У Медведева, получившего, как и Путин, юридическое образование, не было связей с силовиками, он на тринадцать лет младше и всегда был поклонником интернета (которым Путин не пользовался) и английской группы Deep Purple. Московский знаток внутрикремлевской жизни Глеб Павловский утверждал, что в то время Путин осознавал опасность чрезмерной персонализации власти и ее передачи собственному клону. “Стране нужны перемены, — сказал Павловский, излагая свое понимание тогдашних мыслей Путина, — ею не могут управлять генералы”. (Цитируется по интервью, которое Том Парфитт взял у Глеба Павловского в 2012 году и опубликовал летом 2014 в *New Left Review*. Parfitt T. *Putin's World Outlook [Interview with Gleb Pavlosky]* // *New Left Review*. 2014. July-August. Vol. 88. URL: <https://newleftreview.org//88/gleb-pavlovsky-putin-s-world-outlook> (доступ 03.10.2017) — Прим. ред.)

Пока дальнейший поворот событий не изменит взгляд на эпоху тандема, этот период в развитии России следует рассматривать как не слишком существенный. Медведев активно пользовался реформистской риторикой, но при этом никогда не выходил за границы установленного до него политического порядка. Он воодушевленно рассуждал о модернизации, посещал Силиконовую долину, не скрывал пристрастия к гаджетам, делал жесты, демонстрирующие уважение к правам человека и верховенству права, объявил “войну коррупции” и вместе с Барак Обамаой трудился над “перезагрузкой” американо-российских отношений. Но дело осложняла его “книжность”, заикленность на каких-то проектах, которые превращались в своего рода хобби (например, жонглирование чашками на территории России), но более всего — невозможность сконструировать собственную политическую машину,

отличную от путинской. Он занял президентский пост в тот момент, когда мировую экономику настигла Великая рецессия — мировой экономический кризис сильно ударил по России и ограничил возможности инновационного развития, за которое Медведев ратовал. Российский ВВП в 2009 году снизился на 7,8%; несмотря на то, что в 2010–2011 годах спад сменился слабым подъемом, утраченное восстановить не удалось. Инициативы Медведева, к примеру пресловутая война с коррупцией, оказались практически безрезультатными, и рейтинг России по этому показателю остался почти таким же незавидным, как и раньше⁶.

Медведев не держался за свой пост. В сентябре 2011 года на съезде партии “Единая Россия” он объявил, что не будет баллотироваться на грядущих президентских выборах, с тем чтобы президентом стал Путин, который теперь мог вновь баллотироваться еще на два срока. Путин был надлежащим образом избран (на этот раз набрав 64% голосов), и в мае 2012 года пара вновь поменялась местами.

Возвращение Путина и ужесточение политического курса

Итак, Путин в последние пять лет вновь является бесспорным лидером. Этот период ознаменовался тяжелыми решениями, которые подчас имели разрушительные последствия. Зимой 2011–2012 годов, после того как они с Медведевым осуществили свой замысел рокировки, в Москве и ряде других городов поднялась волна уличных протестов против фальсификации декабрьских выборов в Госдуму, на которых “Единая Россия”, даже по официальным данным, получила менее 50% голосов. Путин согласился внести изменения в электоральное законодательство, в том числе упрощение требований к регистрации политических партий, возвращение одномандатных округов на выборах в Думу (после их отмены в 2003 году) и снижение порога для прохождения в Думу. Вместе с тем он быстро положил конец медведевской “оттепели”. Были приняты новые законы, карающие жесткими штрафами за участие в несанкционированных митингах и нарушение

общественного порядка, существенно расширено законодательное определение государственной измены, все блоги и страницы в соцсетях, которые посещают более трех тысяч человек ежедневно, обязали регистрироваться как средства массовой информации, а государственные ведомства получили право блокировать политически нежелательный онлайн-контент. По мере того как задуманная Обамой и Медведевым перезагрузка отношений с США уходила в небытие, официальные средства массовой информации наполнились антизападной и антиамериканской риторикой. Заигрывая с традиционалистскими настроениями в обществе, в 2013 году правительство провело законы, запрещающие “пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений” среди несовершеннолетних и предусматривающие наказание в виде штрафов и тюремных сроков за “оскорбление чувств верующих”. И то, и другое встретило одобрение Русской православной церкви. В 2014 году пять миллионов госслужащих, занятых в сфере безопасности и правоохранительных органов, лишились возможности без санкции начальства посещать Соединенные Штаты и любую другую страну, которая имеет с США договор об экстрадиции.

В отчете Freedom House за 2014 год рейтинг России по шкале гражданских свобод был снижен до 6. “Рейтинг гражданских свобод в России, — говорится в документах Freedom House, — снизился с 5 до 6 в результате усугубления контроля над СМИ, резкого усиления пропаганды на контролируемом государством телевидении и новых установлений, ограничивающих возможность выезда за границу для некоторых граждан”. Совокупный рейтинг России теперь также опустился до 6 — самый худший результат на нынешний момент; Россия, таким образом, оказалась в одной категории с Афганистаном, Демократической Республикой Конго и Ираном⁷.

Первым же действием Путина на мировой арене после возвращения на пост стало вмешательство в острый конфликт вокруг свержения президента соседней Украины Виктора Януковича в начале 2014 года. Россия осуществила стремительную военную операцию на украинском полуострове Крым, под

эгидой Москвы был проведен референдум, и 18 марта его территория была присоединена к России. Шокирующее решение по Крыму встретило радостное одобрение со стороны основной массы российского электората, на который власти обрушили поток пропаганды, приветствующей аннексию. Несколько месяцев спустя российская армия обеспечила защиту движению сепаратистских повстанцев в Донбассе на востоке Украины, снабжая их различными ресурсами, в том числе вооружениями. Действия России на Украине повлекли за собой санкции со стороны США и Европейского союза, что, в свою очередь, дало Путину хорошую возможность для осуждения западнически настроенных граждан внутри России и навешивания на них клейма “пятой колонны”. На другом фронте в сентябре 2015 года он приказал военно-воздушным силам начать кампанию бомбардировок в Сирии с целью поддержки правительства Башара аль-Асада, на тот момент отступавшего под натиском противников режима.

Парадокс путинизма состоит в том, что режим, несмотря на очевидный откат назад в прошлое, никогда не переходил к безусловной диктатуре и не опирался на откровенные репрессии. Авторитарная тенденция практически не затронула индивидуальные свободы, и возможности их реализации стали в некоторых отношениях шире, чем до 2000 года, — в результате глобализации и повышения благосостояния России по сравнению с советским прошлым и первыми годами постсоветского времени. Ельцин, претендовавший на роль демократизатора 1990-х, получил возможность мирно уйти на пенсию, и в 2007 году Путин восхвалял его как редкого человека, которому “дана такая судьба — стать свободным самому и повести за собой миллионы, побудить к поистине историческим переменам Отечество”⁸. Силовики, сторонники жесткой линии, продолжают занимать многие руководящие посты, но по какой-то причине Путин не желает предоставить им полную свободу действий. Кроме того, очевидно, что силовики — отнюдь не монолитное сословие, в их среде не утихают разборки и междоусобные войны. В последние пару лет президент отправил в отставку несколько влиятельных представи-

телей старой гвардии спецслужб и выдвинул в высшие эшелоны власти новых. Он также сохранил во главе кабинета министров умеренного Медведева и нашел возможность назначить несколько “системных либералов”⁹ на высокие должности. Ослабление давления в одной сфере часто совпадает с закручиванием гаек в другой, причем подход отличается большой гибкостью. Недавним примером может служить электоральная реформа. К примеру, были восстановлены выборы губернаторов, но появились “фильтры”, позволяющие власти отсеять критически настроенных кандидатов и не допустить их к участию в выборах. Также были восстановлены одномандатные округа, в которых выбирается половина членов Думы. На думских выборах в сентябре 2016 года мощная машина “Единой России” сосредоточила огромные ресурсы, чтобы обеспечить себе преимущество на выборах в одномандатных округах, и победила в 203 из 225; в 2003 году кандидаты от “Единой России” победили лишь в 102 округах¹⁰.

Парадоксы общественного мнения

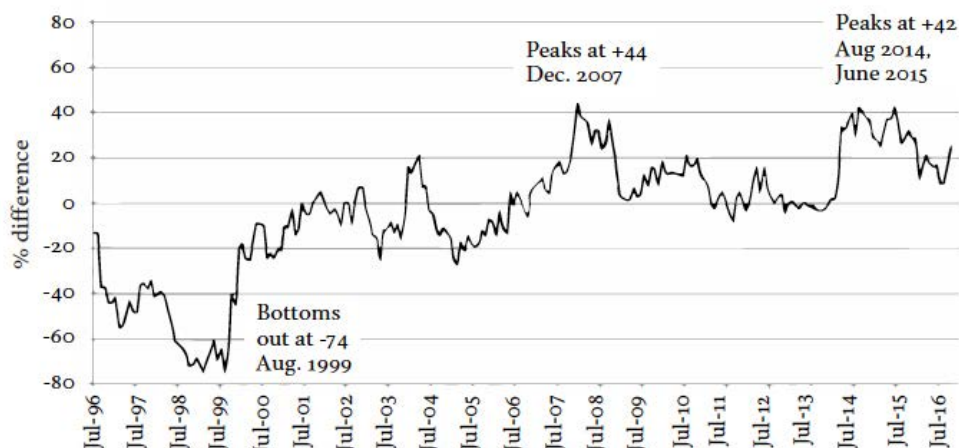
Массовое сознание россиян также изобилует парадоксами. Судя по данным опросов общественного мнения, Путин пользуется неизменной народной поддержкой; даже если сделать небольшую скидку на неточность этих результатов, рейтингам Путина все равно могут позавидовать политики по всему миру. В середине 2015 года, на пике “крымнашистской” эйфории, деятельность президента одобряли 89% населения старше 18 лет¹¹. В октябре 2016-го этот показатель по-прежнему оставался на заоблачном уровне, составляя 82%. *(На момент подготовки к печати данного выпуска “Контрапункта” последние данные Левада-центра о рейтинге президента были датированы сентябрем 2017 года; рейтинг одобрения Путина составил 83%. См.: Сентябрьские рейтинги одобрения // Левада-центр. 2017. 21 сентября. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/21/16676/> (доступ 03.10.2017) — Прим. ред.)* Уровень популярности Путина, конечно, колеблется, но начиная с момента его первой инаугура-

ции в 2000 году доля доверяющих ему россиян никогда не оказывалась меньше 60%.

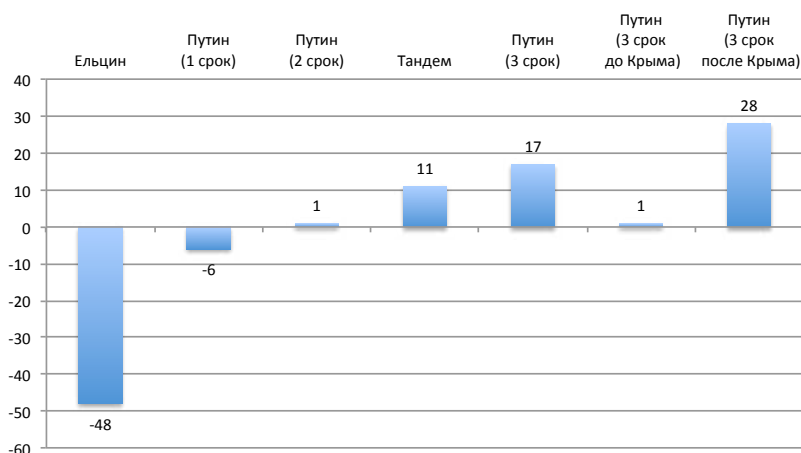
Ничто не вечно под луной. Если задуматься о том, как Россия будет выглядеть после Путина, то его личность и политическая “тефлоновость” перестанут играть определяющую роль. Стоит приглядеться к другим проявлениям политического мышления россиян, чтобы представлять себе более широкую картину. Она содержит в себе больше деталей и полутонов, чем уровень одобрения отдельной личности.

Россияне, или большинство россиян, могут быть в восторге от Владимира Путина, но при этом миллионы российских граждан на протяжении многих лет не испытывали ни малейшего восторга ни от действий правительства, ни от положения дел в стране

в целом. На Рисунке 1 представлены данные опросов взрослого населения России начиная с середины 1990-х годов (опросы проводились в рамках ежемесячного мониторинга всероссийского Левада-центра). Вопрос касается в целом траектории развития России: “Дела в стране идут в правильном направлении, или страна движется по неверному пути?”¹². Линия графика на Рисунке 1 показывает разницу в процентных пунктах между респондентами, которые дали положительный ответ на этот вопрос, и теми, кто дал отрицательный ответ. Столбцы в таблице на Рисунке 2 отражают среднемесячные значения той же разницы между положительным и отрицательным ответом для каждого из президентских сроков.

Рисунок 1. Оценка текущего положения дел в стране (разница в процентных пунктах между теми, кто считает, что дела в стране идут в целом в правильном направлении, и теми, кто думает, что страна движется по неверному пути), 1996–2016 годы

Рисунок 2. Ежемесячные усредненные значения общественного мнения относительно положения дел в стране (разница в процентных пунктах) по каждому периоду правления

В полном соответствии с общепринятыми представлениями об эпохе Ельцина, вплоть до 2000 года наблюдался сильный дисбаланс — разница доходила до ужасающей цифры в 74 пункта в августе 1999-го (в то лето лишь 8% россиян верили, что Россия движется в правильном направлении, а 82% считали, что страна движется по неверному пути). Среднемесячный баланс в оценках за период с 1996 года по конец 1999 года составлял -48 процентных пунктов. Когда Путин занял президентскую должность, оптимисты начали побеждать пессимистов, и в октябре 2001 года опрос “Левады” впервые зафиксировал положительный баланс — примерно в 2 процентных пункта, по опросам взрослого населения¹³. Читатель, вероятно, удивится, узнав, что, несмотря на общий подъем, граждане продолжали негативно оценивать положение дел в стране на протяжении всего первого срока Путина с 2000 по 2004 годы (в среднем разница составила -6 пунктов). Показатели стали ощутимо улучшаться в течение второго срока Путина с 2004 по 2008 годы, особенно в период с середины 2005 года и до конца 2007-го, когда началась реализация плана, в соответствии с которым Медведев становился президентом. Разница между положительной и отрицательной оценкой достигла небывалого максимума в 44 процентных пункта в декабре 2007 года, хотя среднее значение для второго срока Путина едва попало в положительное поле (+1 пункт в среднем за четыре года). Интересно, что самоощущение россиян было гораздо более лестным для властей в эпоху пресловутого путинско-медведевского тандема с 2008 по 2012 годы (+11 пунктов в среднем), чем на протяжении первых двух сроков Путина. Иными словами, россияне лучше думали о власти в период, когда Путин номинально занимал второе место, а президентом был другой человек, чем когда Путин правил в одиночку до мая 2008 года. При этом положительная оценка пришлась на период 2009–2011 годов, когда страна переживала экономический спад и рост благосостояния остановился.

Третий срок Путина, правда, получил более лестные отзывы (+17 в среднем по состоянию на октябрь 2016-го). Впрочем, этот

результат полностью объясняется посткризисным подъемом. До февраля 2014 года разница между положительными и отрицательными оценками составляла +1 процентный пункт, то есть оставалась на таком же низком уровне, что и во время второго срока Путина, но затем в марте 2014 года одобрение курса развития страны резко выросло и наш показатель повысился до 28 процентных пунктов. В августе 2014-го и июне 2015-го разница составила 42 пункта — очень высокий показатель, хотя и на 2 пункта ниже пикового значения в декабре 2007-го. С середины 2015-го (вновь см. Рисунок 1) продолжается заметная тенденция к снижению общественного энтузиазма.

Отдельный интерес представляют результаты опроса Левада-центра о деятельности премьер-министра Медведева, который отвечает за повседневное руководство министерствами и чиновниками и чья карьера тесным образом связана с Путиным. В сентябре 2014 года 71% российских граждан одобрили его работу во главе кабинета министров, а 27% не одобрили. Негативные оценки Медведева превышают положительные начиная с августа 2016 года. На момент написания статьи баланс составляет 48% одобрительных против 51% неодобрительных оценок. Аналогичная тенденция к снижению наблюдается по отношению к главам регионов: в сентябре 2014 года 66% одобряли деятельность своего губернатора, 32% не одобряли, а в октябре 2016-го соотношение одобрительных и неодобрительных оценок составило 46% к 53%.

Возвращение недовольства?

Трудно предсказать, как долго сохранится общественный подъем, вызванный присоединением Крыма. Вопреки ожиданиям Вашингтона и Брюсселя, сейчас (на момент написания данной статьи) санкции и другие политические действия, которые российские граждане воспринимают как несправедливые и антироссийские, вызывают у них возмущение, что, в свою очередь, укрепляет и поддерживает позитивное настроение в стране. В августе 2016 года почти 60% опрошенных заявили Левада-центру, что их не волнует возможный

эффект западных экономических санкций, а 70% поддержали бескомпромиссную политику России в ответ на санкции.

Тем не менее здравый смысл и имеющиеся прецеденты подсказывают, что смена настроений — это только вопрос времени. Когда энтузиазм начнет снижаться, есть основания предполагать, что, при прочих равных, россияне вернуться к прохладным оценкам положения страны, которые были характерны для правления Путина до весны 2014 года.

Из этого не следует, что нужно ожидать роста революционных настроений — проявлений той склонности к “потрясениям, катаклизмам, радикальным преобразованиям”, на которую сетовал Путин в своем упомянутом выше манифесте. Этому наблюдению, пожалуй, противоречит опыт 1990-х годов: тогда большинство россиян считали положение страны крайне тяжелым, однако не восстали против статус-кво. Возврат к привычному состоянию будет означать, что в не слишком отдаленном будущем появятся десятки миллионов россиян — значительное меньшинство или даже большинство населения, — убежденных в том, что с нынешним руководством страна движется в неправильном направлении. Очевидно, что такие настроения в принципе могут быть использованы политическими акторами с самыми разными целями.

Прежде чем углубиться в детали, следует иметь в виду несколько контекстных переменных, с которыми в будущем обязательно столкнутся Путин и его соратники, а со временем, разумеется, и их наследники.

Первая трудность заключается в состоянии самого российского общества. В 2017 году Россия представляет собой более богатую и сложную страну, в большей мере связанную с миром, — короче говоря, более современную, чем поколение назад, когда она находилась под властью советского Политбюро. В 2013 году Всемирный банк (ВБ), исходя из того, что номинальный ВВП на душу населения достиг \$12616, переклассифицировал путинскую Россию, причислив ее к странам с высоким доходом, то есть более богатым, чем три четверти стран — членов ВБ. Сейчас Россия обладает всеми признаками зрелого общества потребления. На сегодняшний день

россияне являются держателями 150 млн пластиковых карт; из этого числа 30 млн — это перевыпускаемые кредитные карты. Число банкоматов на душу населения, в которых жители России снимают наличные и оплачивают счета, превышает соответствующий показатель в любой другой стране, за исключением Канады и Сан-Марино. Четверть сделок с жилой недвижимостью заключается с помощью ипотечного кредита. После 1999 года стремительно выросли продажи новых автомобилей, с 903 000 в 1999-м до 1 807 000 в 2005 году и 3 142 000 в 2012-м, что привело к ужасным пробкам на дорогах. В 2012 году сорок восемь миллионов россиян провели отпуск за границей, что в четыре раза больше, чем в 1999 году, и к тому же они стали ездить в более экзотические места.

Несмотря на бюрократическую волокиту и назойливые проверки, в 2015 году в России было 227 тысяч зарегистрированных НКО¹⁴. В 1999 году на 100 россиян приходился один сотовый телефон, в 2004-м на ту же сотню россиян приходился 51 телефон, в 2008 году — 139, в 2012-м — 145. Лишь один россиянин из ста в 1999 году имел регулярный доступ в интернет. В 2004-м их уже стало тринадцать, в 2008 году — 27, а в 2012 — 64. Стремительно развивающийся интернет, для которого не существует ни иерархий, ни государственных границ, представляет собой идеальное средство социокультурной глобализации — все более масштабного процесса, к которому Путин относится крайне подозрительно. 80% россиян имеют доступ в интернет и пользуются социальными сетями, что на 30% выше, чем в среднем по Европейскому союзу.

Самый досадный парадокс

Теории, утверждающие, что существует линейная связь между социально-экономическим развитием (причиной) и политическими изменениями (следствием), оказались не слишком состоятельными в краткосрочной перспективе. Вопреки предсказаниям, в России после 1999 года социально-экономические и политические процессы развивались в противоположных

направлениях: больше развития, меньше демократии¹⁵. Тем не менее факт остается фактом: если говорить о статистических закономерностях, развитые общества с гораздо большей вероятностью обладают демократическими институтами, чем неразвитые или развивающиеся общества, что ставит нас перед самым досадным парадоксом из всех возможных. Когда Всемирный банк в 2013 году перевел путинскую Россию в категорию стран с высоким доходом, 82% государств в этой категории имели демократическую форму правления (в классификации Freedom House эти страны попадают в группу “свободных”), в то время как 46% стран с доходом выше среднего уровня, 30% стран с доходами ниже среднего и только 8% стран с низкими доходами имели демократическую форму правления. Среди стран с высоким доходом всего восемь нарушают закономерность, являясь недемократическими, и одна из них — Россия. Остальные — это, как и Россия, нефтяные державы, сидящие на игле нефтегазовых доходов, что усиливает готовность государства к принуждению и увеличивает его автономность от общества. Шесть из семи стран — наследственные монархии, седьмая — Экваториальная Гвинея, бывшая испанская колония в Западной Африке, которой с 1979 года управляет Теодоро Обианг Нгема Мбасого, получивший власть в результате государственного переворота. Благодаря обширному производственному сектору и сектору услуг Россия имеет несопоставимо более разнообразную экономику, чем другие страны этой категории; ископаемые виды топлива составляют всего лишь 16% российского ВВП, в то время как в Саудовской Аравии их доля достигает 40% ВВП, а в Экваториальной Гвинее — 83%.

Короче говоря, Россия нарушает тенденцию глобального развития, и как долго это будет продолжаться — при Путине или после него, — вопрос открытый. Либо неверны теоретические выкладки, касающиеся мировых трендов, либо у России есть какая-то особенность, исключая ее из общих закономерностей, либо мы имеем дело с отставанием в развитии и в будущем Россия вольется в тренд, тем самым подтвердив теоретические выкладки.

Наиболее актуально здесь и сейчас обстоятельство, которое сильно размывает картину: речь идет о затухании экономического успеха, достигнутого в “золотые годы” путинского правления. Пока что основные достижения времен бума сохраняются, но некоторые уже оказались под угрозой, а горизонт затянут тучами неопределенности. Санкции, связанные с Украиной, — это всего лишь часть проблемы. Задолго до киевского Евромайदानа экономика России переживала спад, а рост сократился с 4% в 2010 году до 0,6% в 2014 году. Иначе говоря, данные уже свидетельствовали об архаичности экономической модели — о концептуальном тупике, который режим создал собственными руками, — и неизлечимых структурных проблемах.

В отличие от спада 2009 года, новое замедление экономики нельзя было объяснить локальным проявлением глобальных тенденций, и к тому же оно не ограничивалось одним плохим годом. Затем серьезный удар нанесло обрушение мировых цен на нефть в третьем и четвертом кварталах 2014 года и в 2015 году; из-за этого снизились доходы от нефти и газа — от пиковых уровней осталась лишь малая доля. Экономика находилась в рецессии в 2015 и 2016 годах, при этом ВВП упал на 5–6%, а курс рубля сократился вдвое. Пространство для маневра у политического руководства со всех сторон сужено — не в последнюю очередь из-за тех обещаний, которые они сами давали в сытые годы, таких как индексация пенсий, инвестиции в инфраструктуру и перевооружение армии. К чему приведет этот идеальный шторм, подтолкнет ли он к новой модели, или Россия скатится к старой? Превратятся ли разногласия по вопросу об экономической стагнации и способам ее устранения, которые бесконечно ведутся в России 2017 года, в схватку за власть, и как это повлияет на повестку политических и институциональных перемен?

Примечания

- 1 Оригинал статьи Колтона см.: COLTON T. *Paradoxes of Putinism* // *Daedalus*, 2017, vol. 146, № 2. P.8–18. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/abs/10.1162/DAED_a_00430 (доступ 12.09.2017)
- 2 Путин В. *Россия на рубеже тысячелетий* // Независимая газета. 1999. 30 декабря. URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (доступ 03.10.2017).
- 3 Слово “губернаторы” употребляется здесь расширительно и обозначает глав исполнительной власти в регионах; в действительности их официальные наименования со временем изменялись и сегодня отличаются от региона к региону.
- 4 Михаил Ходорковский, возможно, действительно совершил часть тех противозаконных действий, которые вменялись ему в вину, однако процесс в целом представлял собой очевидный пример избирательного преследования.
- 5 Совокупность задач, которые ставят перед собой подобные режимы, составляет предмет обсуждения большого массива современной литературы по сравнительному авторитаризму. См., например: САСТАЙЕДА J. *Perpetuating Power: How Mexican Presidents Were Chosen*. New York: New Press, 2000; GANDHI J., PRZEWORSKI A. *Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats* // *Comparative Political Studies*. 2007. November. Vol. 40, №11. P. 1279–1301; MAGALONI B. *Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule* // *Comparative Political Studies*. 2008. April. Vol. 41, №4/5. P. 715–741; SLATER D. *Ordering Power: Contentious Politics and Authoritarian Leviathans in Southeast Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; SLATER D., FENNER S. *State Power and Staying Power: Infrastructural Mechanisms and Authoritarian Durability* // *Journal of International Affairs*. 2011. Vol. 65, №1. P. 15–29; SVOLIK M. *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- 6 В качестве иллюстрации можно привести статистические данные рейтинга качества государственного управления, который составляет Всемирный банк: в 2013 году Россия в этом рейтинге находилась в 83 перцентиле — практически то же, что и в 1996, когда она оказалась в 84 перцентиле. Подробный обзор этого и других рейтингов см. в работе: COLTON T.J. *Russia: What Everyone Needs to Know*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 210–215.
- 7 Подобные межстрановые сравнения применимы для оценки текущего положения дел, так что я считаю возможным ими пользоваться — в этой и других работах. Однако в исторической перспективе рейтинги Freedom House едва ли адекватны: невозможно воспринимать всерьез данные, из которых следует, что “несвободность” России Путина составляет шесть седьмых от “несвободности” сталинского СССР или гитлеровской Германии.
- 8 Цитируется по COLTON T.J. *Yeltsin: A Life*. New York: Basic Books, 2008. P. 447. Путин говорил нечто подобное также на официальном открытии президентской библиотеки и музея Ельцина в 2015 году. Этот комплекс, финансируемый государством, расположен в Екатеринбурге, где Ельцин поднимался по карьерной лестнице в партийных органах.
- 9 Среди влиятельных силовиков, ушедших со своих постов, можно назвать Сергея Иванова (до ухода занимал место руководителя кремлевской администрации), Виктора Иванова (в какой-то период был помощником президента, отвечавшим за кадровые вопросы), Михаила Фрадкова (в прошлом премьер-министра и главы Службы внешней разведки) и Владимира Якунина (в течение долгого времени возглавлял “Российские железные дороги”).
- 10 На выборах 2016 года в бюллетень были включены 14 политических партий, тогда как в 2011 году их было семь. Единая Россия повысила свой результат на 5 процентных пунктов, набрав 54% голосов. В некоторых регионах правящая партия выступила лучше, чем в других; по официальным данным, ее результат варьировал от 35% до 96%. Ни одна из новых партий, получивших регистрацию перед этими выборами, не смогла набрать больше 2% голосов избирателей на общенациональном уровне.
- 11 Левада-центр зарегистрирован как некоммерческая организация, а не как коммерческое предприятие. Он регулярно проводит опросы по заказу клиентов не из России. В октябре 2016 года Министерство юстиции объявило Левада-центр “иностранным агентом” — возможно, оттого, что власти были недовольны политической независимостью Левада центра и его готовностью работать с иностранными клиентами. Следует отметить, что данные, публикуемые окол властными организациями (такими как ВЦИОМ и ФОМ), мало отличаются от результатов Левада-центра.

- 12 Данные взяты из публикации Левада-центра: *Оценка текущего положения дел в стране* // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (доступ 28.11.2016). Этот вопрос в разных вариантах постоянно задается в различных опросах общественного мнения в западных странах.
- 13 Как и в случае многих других изменений, происходивших в период путинского правления, его признаки можно обнаружить в поздний период правления Ельцина. Разность между положительной и отрицательной оценкой достигла -74 пункта в августе 1999 года, однако к декабрю 1999 года, в тот месяц, когда Ельцин досрочно ушел в отставку, она составила 20 процентных пунктов.
- 14 Организационные формы гражданского общества в России определяются как некоммерческие организации (НКО), а не как негосударственные. Невозможно достоверно узнать, какие из зарегистрированных НКО на самом деле существуют только на бумаге или представляют собой симулякры, созданные самим государством. Но с другой стороны, существуют тысячи организаций, которые вообще никак не зарегистрированы.
- 15 Классический тезис о том, что развитие влечет за собой демократию, изначально сформулирован Сеймуром Мартином Липсетом в работе: LIPSET M. *Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy* // *American Political Science Review*. 1959. Vol. 53, №1. P. 69–105.